СМОТРИНЫ И РУКОБИТЬЕ.

Въ нашей губерніи есть, какъ вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, небольшой, но довольно пріятный городокъ *Козогорье*. Онъ потому небольшой, что невеликъ; а невеликъ онъ потому, что мало охотниковъ въ немъ строиться; а мало охотниковъ строиться потому, что невыгодно; а невыгодно потому, что каждый домъ о пяти или семи окнахъ занимается лазаретомъ или швальней, — что впрочемъ, по увѣренію градскаго главы, вскорѣ будетъ отмѣнено введеніемъ равномѣрной денежной квартирной повинности, — на каковой конецъ и существуетъ уже въ Козогорьѣ, съ 1817 года, особый комитетъ, объ уравнительной раскладкѣ. Поэтому и нѣтъ сомнѣнія, что городъ вскорѣ обстроится весьма порядочно; итакъ, оставимъ это. Пріятнымъ я назвалъ его не по той же причинѣ, по которой онъ не обстраивается, а совсѣмъ по другой; мѣсторасположеніе,

какъ выражался одинъ уволенный отъ службы учитель математики, было преблагопріятное; благорастворенность стихій земныхъ, а наипаче небесныхъ, наиблагословеннѣйшее, особенно если доводилось пройти не по задамъ, — и рѣка рыбная.

Въ этомъ городкѣ, Козогорьѣ, поселились уже съ незапамятныхъ временъ два врага–товарища, которыхъ даже Богъ свелъ — вѣроятно ради христіанской мировой, которая однакоже доселѣ все еще не могла состояться, — свелъ на одну улицу и на одинъ проулокъ, то есть съ угла на уголъ. Тутъ стояли, во ожиданіи грядущихъ временъ, о коихъ мы говорили выше, двѣ такія жалкія лачужки, что ихъ даже не брали подъ барабаннаго старосту со школой его, а развѣ изъ нужды совали въ нихъ по нѣскольку человѣкъ отказныхъ фурлейтовъ. Обѣ лачужки эти сильно покачнулись въ основаніи своемъ, вѣроятно раздѣляя чувство взаимной ненависти своихъ хозяевъ, потому что покачнулись въ разбѣжку другъ отъ друга и глядѣли

врознь. Такъ какъ онѣ были выстроены во время оно помимо всякаго помышленія о планѣ и фасадѣ, то починка ихъ была строго запрещена хозяевамъ и для острастки на воротахъ огромными черными цифрами выставленъ годъ, въ который онѣ предположены были къ сломкѣ. Предположеніе это, по благости Провидѣнія, не состоялось, какъ надобно было покрайней мѣрѣ заключить изъ самой надписи этой, хотя она была очень грозна; но какъ цифры эти означали одинъ изъ давно прошедшихъ годовъ, а прошедшимъ временемъ никто, даже самъ городничій въ Козогорьѣ, не располагаетъ, то и выходило на повѣрку, что обѣ лачужки эти, на зло судьбѣ своей, все еще стояли на старыхъ мѣстахъ, другъ противъ друга, подвергаясь впрочемъ дѣйствію и благорастворенности земныхъ и прочихъ небесныхъ стихій, противу коихъ хозяева не смѣли принимать никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ.

Два лица, о которыхъ мы говоримъ и которымъ принадлежали эти двѣ избушки, были оба люди довольно пожилые,

однолѣтки впрочемъ, даже нѣкогда товарищи по семинаріи, потомъ товарищи по званію, какъ вышедшіе изъ духовнаго званія и посвятившіе себя образованію послѣдующаго за ними поколѣнія, оба холостяки и наконецъ оба бывшіе учители уѣзднаго училища. Я бы могъ преслѣдовать сходство это еще далѣе, сказавъ, напримѣръ, что они оба были довольно лысы, оба по разу или по два въ году допивались до чортиковъ, оба любили дразнить мимоходомъ собакъ; но я лучше укажу на разницу ихъ другъ отъ друга, потому что это поведетъ насъ къ разрѣшенію причины этой загадочной ненависти и взаимной вражды.

Кондратій Семенычъ до старости остался вѣренъ своему званію, посвятивъ себя преимущественно наукамъ, и въ особенности наукамъ точнымъ, отвлеченнымъ. Онъ не терпѣлъ никакого корыстнаго примѣненія или приложенія этихъ наукъ и больно бивалъ палями учениковъ за всѣ клонящіеся къ подобному кощунству вопросы. Поэтому онъ и не

навидѣлъ вопросъ о вѣчномъ движенiи и никогда имъ не занимался; но зато давно уже разрѣшилъ квадратуру круга и раздѣлилъ уголъ на три части. Кондратiя Семеныча и не называли иначе въ цѣломъ Козогорьѣ, какъ плѣшивымъ математикомъ.

Филиппъ Иванычъ училъ въ былое время всему, чему его учить заставляли, но только по казенной надобности: для себя онъ исключительно занимался изящными предметами, то есть скрипкой. Это была его страсть, и онъ за нею забывалъ все, почему его въ Козогорьѣ и называли плѣшивымъ музыкантомъ. Онъ былъ всегда веселъ, говорилъ просто и считался прiятнымъ собесѣдникомъ, — тогда какъ Кондратiй Семенычъ, напротивъ, расхаживалъ всегда и вездѣ будто въ классахъ уѣзднаго училища, передъ тремя скамьями мальчишекъ, то есть чинно, степенно и даже отчасти грозно; а говорилъ онъ такимъ отборнымъ языкомъ, что когда ему случалось проходить за какою нибудь покупкою въ козогорскiй гостиный дворъ, гдѣ было лавокъ до восьми, то всѣ

сидѣльцы сходились около него, чтобы послушать его отборныхъ рѣчей. Мало того: этотъ человѣкъ пріобрѣлъ постепенно такой вѣсъ и вліяніе на сидѣльцевъ, что они старались подражать ему въ разговорѣ и, нахватавшись отъ него разныхъ преученыхъ и превысокихъ словъ, разсыпались ими передъ неучеными покупательницами. Они, напримѣръ, уже не изъяснялись иначе, выхваляя ситецъ или бумажный набивной платокъ, какъ: «прерѣдкостнѣйшій товаръ, самоизобличительнѣйшей красоты; купите, сударыня матушка, то есть что называется пречудовно благодарны быть изволите.»

Что касается до природнаго нрава соперниковъ нашихъ, то я скажу только одно: оба они охотно дразнили по улицамъ собакъ, — это я уже сказалъ; но теперь поясню, что плѣшивый музыкантъ дѣлалъ это, забавляясь довольно гласно, то есть, залаявъ мимоходомъ вслухъ на сонную собаку и испугавъ ее или замахиваясь на нее палкою; плѣшивый математикъ, напротивъ, уськалъ только изподтишка, замѣтивъ, что никого по близости не было,

или, заглянувъ напередъ мимоходомъ въ калитку и удостовѣрившись, что людей на дворѣ нѣтъ, толкалъ тростію въ вороты, а самъ чинно проходилъ своимъ путемъ, будто и не зналъ о чемъ идетъ рѣчь, когда собака бросалась съ остервенѣніемъ въ подворотню.

Согласно съ этими естественными наклонностями, Кондратій Семенычъ и ходилъ постоянно въ темномъ долгополомъ сюртукѣ, въ высокомъ галстухѣ на костичкахъ и самъ былъ довольно высокаго росту; Филиппъ Иванычъ, напротивъ, былъ нѣкогда рыжеватъ, а росту остался и понынѣ поменьше средняго, съ подгибными колѣнями, съ косолапыми, выворотными ладонями, сапогами съ кисточками, синимъ вовсе проношенномъ фракѣ и съ измятой круглой шляпой.

Какъ только, бывало, пріятный городъ Козогорье освѣтится утреннимъ солнцемъ, то музыкантъ нашъ бралъ въ руки смычокъ и скрипку — а этой мебелью у него были увѣшаны всѣ стѣны — подходилъ къ открытому окну и, распустивъ пять

пальцевъ по самой отчаянной апликатурѣ, начиналъ корчить соловья. Черезъ полторы минуты, хоть по часамъ повѣрить, являлся у своего окна, насупротивъ, математикъ и, покачивая головой, произносилъ, выдвинувъ подъ конецъ рѣчи подбородокъ: «Чтобъ тебѣ въ квинту высохнуть!» Затѣмъ онъ поспѣшно закрывалъ окно, между тѣмъ какъ музыкантъ, уловивъ это самое мгновеніе, кричалъ сосѣду черезъ улицу: «Чтобъ тебѣ угломъ подавиться!» Этимъ бесѣда ихъ обыкновенно оканчивалась; изрѣдка только разговоръ становился нѣсколько крупнѣе, но вообще Кондратій Семенычъ держалъ себя на благородной дистанціи, а потому и не считалъ приличнымъ входить въ дальнѣйшія перебранки; но на слѣдующее утро слышалось опять тоже обоюдное привѣтствіе, такъ что сосѣди, вмѣсто того, чтобы спросить: а что, есть–ли седьмой часъ? — спрашивали вмѣсто того: а что, бранились плѣшивые или нѣтъ еще?

И домодчадцы ихъ жили точно въ такомъ же ладу. У Филиппа Иваныча была

въ домѣ работница, которая стряпала, хозяйничала, дворничала, носила воду и получала за это по полтинѣ серебра въ мѣсяцъ; у Кондратія Семеныча, напротивъ, хозяйство устроено было на болѣе тонкомъ основаніи: онъ пустилъ къ себѣ жильцовъ, сдѣлавшись самъ ихъ нахлѣбникомъ и обязавъ бабу отправлять вышерѣченныя обязанности въ домѣ безплатно и еще сверхъ того по разу въ мѣсяцъ носить продавать по домамъ дѣтскія игрушки, на выдѣлку которыхъ онъ былъ большой искусникъ. Когда же приходилъ праздникъ или ожидалось въ Козогорьѣ губернское начальство и кто нибудь изъ членовъ почтеннаго семейства полицейскаго хожалаго, городоваго, разсыльнаго и базарнаго обходилъ по дворамъ со строгимъ обвѣщеніемъ подмести улицу, то каждый разъ случалось вотъ что: лукавый Кондратій Семенычъ выжидалъ изподтишка — и къ этому уже приметалась хозяйка и дворничиха его — выжидалъ, говорю, чтобы работница Филиппа Иваныча вышла первая съ метлой на улицу и

подмела чистенько свою половину, перекидавъ при этомъ всѣ кости, камни и битые кирпичи на сторону математика; тогда только выходила со двора его толстая бабища, съ метлою въ рукахъ, начинала разметать свою половину улицы и перекидывала могучею рукою всѣ кости, кирпичи и каменья на ту половину, присоединивъ къ этому еще, въ видѣ роста за услугу, пару отопковъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Затѣмъ разумѣется выходила и работница плѣшиваго музыканта за тесовыя ворота, и начиналась страшная, неумолчная брань; крикъ этотъ подзывалъ къ окнамъ господъ, которые вмѣшивались въ бесѣду домочадцевъ своихъ и наконецъ расходились опять, пожелавъ другъ другу высохнуть въ квинту и подавиться угломъ.

И твари домашнія непріятелей нашихъ жили въ такихъ же точно взаимныхъ отношеніяхъ, какъ и господа ихъ. Лишь только, бывало, пестравка — то есть корова — математика выкажетъ бѣлобрысое рыло свое изъ воротъ на улицу, въ намѣреніи пойти прогуляться немного на

бульваръ, какъ лягавый песъ музыканта бросался на нее, очертя голову, захлестывая самъ себѣ глаза огромными ушами своими, и подымалъ такой отчаянный лай, что музыкантъ и математикъ снова сталкивались у оконъ своихъ, — и, какъ второй никогда не упускалъ этого случая, чтобы пожелать первому высохнуть въ квинту и съ собакой его, то этотъ также не оставался въ долгу, посуливъ тому подавиться угломъ и съ коровой.

Причина такой глубокой вражды двухъ доблестныхъ мужей крылась по всей вѣроятности въ различіи ихъ нравовъ, о чемъ мы уже достаточно разсуждали, по поводу объясненія свойственнаго каждому изъ нихъ способа дразнить собакъ. Филиппъ Иванычъ кричалъ уже много лѣтъ по всему Козогорью, что Кондратій Семенычъ преестественный подлецъ и всегда обносилъ его, Филиппа Иваныча, въ глазахъ начальства, надѣясь тѣмъ выслужиться, хотя это ему и не удалось, прибавлялъ всегда къ этому Филиппъ

Иванычъ, и онъ, какъ человѣкъ крайне буйный во время пьянства, вынужденъ былъ оставить службу еще напередъ меня; Кондратій Семенычъ, напротивъ, разсказывалъ подъ шумокъ или по крайней мѣрѣ насупивъ съ высокостепенностію брови свои и поджимая губы, что Филиппъ Иванычъ всегда бывалъ негодяемъ, небрегъ службою, занимался богопротивнымъ скоморошничествомъ, нетерпимымъ даже и начальствомъ, не смыслилъ ни аза въ глаза, хотя и преподавалъ съ неизъяснимымъ безстыдствомъ не только древнюю исторію, но даже и математику, о которой ему лично свойственны до того преограниченнѣйшіе способы понятій, что онъ предполагаетъ возможность подавиться математическимъ угломъ, то есть отвлеченнымъ, вещественнымъ понятіемъ. Къ тому же, присовокуплялъ Кондратій Семенычъ, этотъ прежалчайшій невѣжда, какъ всякому извѣстно, ведетъ самую наипредосудительнѣйшую жизнь и когда пьетъ, то располагается навзничъ, обрѣтаяся въ безпамятствѣ.

По Козогорью проворила, по части обстоятельныхъ дѣлъ, какъ называлъ ихъ математикъ, то есть по устроенію супружескаго благополучія, одна почтенная вдова, унтерша Кузминична; а въ какомъ–то углу Козогорья нашелся лежалый товаръ, который понадобилось спустить съ рукъ. Послали за Кузминичной и поставили ей чашку чаю. Она, какъ водится, сперва много жаловалась на тяжелыя времена, удручающія жениховъ и отбивающія у нихъ охоту жениться; потомъ посредствомъ нѣсколькихъ полутоновъ, сдѣлала приличный переходъ къ тому, какихъ дрянныхъ жениховъ высватываютъ нынче другія старательницы, съ подведеніемъ разительныхъ примѣровъ; отъ этого уже ей легко было перейти къ причинѣ такихъ дурныхъ выборовъ, то есть къ неумѣнью, незнанію дѣла и плохому старанью свахъ, прибавить, что конечно все на свѣтѣ можно, только постараться надо, не пожалѣвъ хлопотъ и башмаковъ, которые стали нынче очень дороги, и наконецъ повершить дѣло таинственнымъ увѣреніемъ, что у нея даже

есть на примѣтѣ женихи и такіе и сякіе, — словомъ, всѣхъ сортовъ, будто она держала ихъ во всякое время въ запасѣ цѣлый подборъ. Чай выпитъ, полтина на башмаки получена, необходимыя свѣдѣнія о приданомъ и другихъ условіяхъ забраны и старательница отправилась домой.

Подумавъ немного, сваха подъ вечеръ отправилась къ Кондратію Семенычу, и, пошептавшись съ постоялкою его, передала ей гостинца для ребятъ и просила удостоиться благосклоннаго лицезрѣнія хозяина. Сваха эта никогда не ходила въ дома иначе, какъ съ задняго крыльца; поэтому она и тутъ напередъ задобрила постоялку его.

— Что, матушка Анна Кузминична, скажете? спросилъ, охорашиваясь, старый холостякъ, предвидя уже о чемъ пойдетъ рѣчь.

— Провѣдать пришла, батюшка, больше ничего, только провѣдать. Каково–то вы ноченьку почивать изволили?

— Слава Богу; смущаютъ меня, правда, умозаключтительные выводы пречистѣйшей

преотвлеченнѣйшей науки, но наивящше преогорчаетъ наипреосудительнѣйшее поведеніе, изъ числа поступковъ одного ненавистнѣйшаго, богопротивнѣйшаго человѣка; математика же не преогорчаетъ, но преободряетъ и процвѣтаетъ.

— Вотъ точно, продолжала Кузминична по заготовленному ладу, не понявъ вовсе, что тотъ сказалъ, да и не заботясь объ этомъ: — вѣдь это все я знаю отчего: одному–то вотъ и скучно и нелюбо, и ночи не спится и дома не сидится; одинъ — что такое? одинъ и въ поле не воинъ, одному и у каши не споро! а вотъ бы молодую хозяйку въ домъ, да хорошую, такую то есть, чтобы самую хорошую, кровь съ молокомъ, да еще съ *пачкой*, такъ бы оно вышло житье–то не вытьи, а житье масленица!

Кондратій Семенычъ прошелся по комнатѣ, заложивъ руки за спину, потомъ сталъ противъ Кузминичны, вытянулся во весь ростъ, провелъ ладонью снизу вверхъ по бородѣ и сказалъ: «Соотносительность лѣтосчисленія не утрачена еще; душа

преобладаетъ и бодрствуетъ. А что думаете, Анна Кузминична, это дѣло пресбыточное!»

— Какъ, батюшка, несбыточное — только меня держись, меня горемычной не покидай, безъ меня бѣда будетъ; сами знаете, нынѣ вѣдь все на однихъ обманахъ проживаютъ, говорятъ: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать; а у меня не такъ, батюшка, у меня все по правдѣ. Не заносись только, батюшка мой родимый, а невѣста будетъ преотличная, то есть отобьемъ у всякаго; извѣстно, вѣдь ужъ и вы, ни слова, что прехорошій женихъ, — а все съ изъянцемъ, ужъ насупротивъ того, что человѣкъ бы молодой и видный, напримѣръ, непьющій и съ хорошимъ достаткомъ.... да нужды нѣтъ, ужъ ты только на меня отдайся; я такое разодолженіе тебѣ найду, что пальчики оближешь!

— А напримѣръ? спросилъ математикъ, улыбнувшись самымъ старательнымъ образомъ.

— И привѣтлива и ухитлива, пустилась причитывать Кузминична: — и козырная

кралечка собой, тише воды, ниже травы, а въ люди повести куда угодно не стыдно; и благостынька есть: свой сундукъ, по шести штукъ бѣлья, все полотняное; четыре платья, два платка, третій вязаный, — своей работы.... а ужъ рукодѣльница какая! Салопъ хорошихъ подлисковъ, — я все правду говорю, безъ обману, какъ есть, — мантонъ лѣтній, серьги — однѣ свои, другія ваши будутъ — посудка на обзаведеньице, гребенка получерепаховая....

— Да говорите предварительнымъ способомъ, перебилъ ее нетерпѣливый женихъ: — изъ чьихъ?

— А нельзя сказать этого никакъ, много захотѣлъ; этакъ не долго дѣвку ославить, а тамъ хоть вызолоти, куда съ нею? Ну, самъ посуди, послѣ тебя–то кто ее возьметъ? Нѣтъ, ужъ ты коли вѣришь, такъ вѣрь; я говорю прямо, безъ обману: а ручки–то какія, а ножки–то.... такъ вотъ ходитъ, изъ милости только что травки–муравки дотыкается.... то есть пава павой, лебедь лебедемъ!

— Ну, такъ что же, на смотринахъ пообстоятельствуемъ, что ли?

— Какія тебѣ, отецъ мой, смотрины! не такой домъ; надо вѣдь разбирать людей, вотъ вѣдь и я бы къ тебѣ не пришла теперь, кабы не знала въ тебѣ добродѣтели; пожалуй, охотниковъ–то вѣдь много, только имъ свисни, да я знаю сама, что человѣкъ, что одно названіе человѣка: а ты мнѣ отдайся, такъ небось, отобъемъ всѣхъ; ужъ тутъ смотрѣно все безъ тебя, я спроста не пришла бы къ тебѣ; а по рукамъ, такъ по рукамъ; тогда скажу на ушко, какъ и чествовать, и пойдемъ на обрученье? А ужъ какъ благодарить будешь.... то есть что твоя малина!

Кондратій Семенычъ прошелся по комнатѣ, вспомнилъ, какъ ему музыкантъ будетъ завидовать въ счастіи, и согласился. Сваха назначила рукобитье на третій день; долго еще разсыпалась въ причитаньи, выпросила сахарцу и полтину на башмаки и обѣщала навѣдываться до послѣзавтраго почаще, чтобы женихъ не скучалъ.

Прямымъ трактомъ отъ Кондратія Семеныча, Кузминична отправилась въ домъ родителей невѣсты и послѣ предварительнаго широковѣщательнаго хвастовства о своемъ умѣньи, удивила ихъ извѣстіемъ, что дѣло уже на мази, что смотринъ, пожалуй, и не будетъ, а послѣ завтра, коли угодно, рукобитье.

Между тѣмъ рядомъ съ этимъ произшествіемъ и рука объ руку съ нимъ шло другое, впрочемъ довольно подобное ему. Дѣло въ томъ, что на Козогорьѣ выискалась въ недавнемъ времени какая–то вдова Терентьевна, неизвѣстнаго происхожденія, которая осмѣливалась уже не разъ дѣлать попытки, чтобы отбить у Кузминичны хлѣбъ. По первымъ бойкимъ пріемамъ видно было, что она можетъ сдѣлаться опасной соперницей для Кузминичны, за которою было впрочемъ и старшинство по промыслу, и знаніе дѣла, и обычай, и самое довѣріе общества. Поэтому Кузминична, обѣщавшись при первой встрѣчѣ наплевать ей въ глаза, ходила уже къ городничему съ жалобой на нее,

стараясь всѣми силами своего краснорѣчія убѣдить его въ томъ, что Терентьевнѣ такимъ дѣломъ заниматься стыдно, и что ее надобно пристыдить при всѣхъ добрыхъ людяхъ, для чего собственно она, Кузминична, и положила на мѣрѣ наплевать ей въ глаза.

Итакъ, эта Терентьевна, промышлявшая, какъ Кузминична говорила, самодурью, пронюхала какъ–то, что соперница ея была въ такомъ–то домѣ и тотчасъ же смекнула зачѣмъ. Въ надеждѣ насолить ей и отбить работу, Терентьевна, не долго думавъ и не зная кого та сватала, сама накинула глазомъ на плѣшивыхъ пріятелей нашихъ, математика и музыканта; но какъ первый ей показался спѣсивымъ и недоступнымъ, да и работница втораго приходилась одной знакомой ея сватьей, то она и отправилась къ Филиппу Иванычу. Это случилось повечеру на другой день послѣ сватовства Кузминичны.

Филиппъ Иванычъ игралъ на скрипкѣ веселую плясовую пѣсню, искусно подбивая щелчкомъ въ кузовъ своего гудка,

когда Терентьевна прокралась черезъ дворъ его и вошла въ сѣнцы, намѣреваясь также зайти напередъ на женскую половину; но, услышавъ веселую, разудалую пѣсню, она вдругъ рѣшилась итти безъ дальнихъ обиняковъ прямо на приступъ; распахнувъ смѣлымъ пріемомъ двери въ комнату хозяина, она прямо ввалилась туда пляшучи, притопывая ногами и прищелкивая пальцами. Такой способъ заводить знакомства поразилъ нѣсколько Филиппа Иваныча; но когда онъ убѣдился, что женщина эта не пьяна и въ своемъ умѣ, то плачъ ея навзрыдъ, который послѣдовалъ за пляской, сильно тронулъ и поразилъ его, потому что она плакала по бѣдной, злосчастной дѣвицѣ, которая потеряла свой покой черезъ Филиппа Иваныча, ѣстъ не заѣстъ, спитъ не заспитъ, — словомъ, не можетъ безъ него ни жить, ни умереть. Если ты, злодѣй, наслалъ это на мою пташечку, касаточку, такъ прикажи снять, нето я тебѣ жить не дамъ на свѣтѣ.

Удивленный Филиппъ Иванычъ сталъ освѣдомляться обстоятельнѣе, едва помня себя отъ удовольствія, что онъ на старость лѣтъ свелъ съ ума такую прелестную дѣвицу. Черезъ полчаса у него стоялъ уже на столѣ самоваръ, Терентьевна пила въ прикуску, а онъ, оправляя жалкіе остатки своихъ нѣкогда рыжихъ волосъ, просилъ только о томъ, чтобы вести дѣло какъ можно посекретнѣе и если оно пойдетъ на ладъ, то устроить его поскорѣе, чтобы не помѣшалъ Петровскій постъ.

Терентьевна вышла со двора заднею калиточкой, подъ проводами самого хозяина, прошла задами и полѣтела прямо въ домъ невѣсты. Тутъ она обошла сперва осторожно кругомъ, поглядѣла во всѣ щелочки ставней и, убѣдившись, что чужихъ нѣтъ, втерлась черезъ заднее крыльцо въ покой.

По первымъ словамъ Терентьевны: «матушка, я къ вамъ отъ добрыхъ людей пришла и за добрымъ дѣломъ», мать невѣсты тотчасъ же поняла о чемъ тутъ пойдетъ рѣчь, и потому пригласила

посланницу къ себѣ въ комнату и усадила. Она думала: запасъ не мѣшаетъ, особенно при такомъ незавидномъ женихѣ, каковъ былъ математикъ, который для мѣщанской дочери былъ дорогъ только какъ чиновный человѣкъ, какъ дворянская или покрайности полудворянская душа, также какъ у дочери ея была получерепаховая гребенка.

— Ну, матушка, отъ кого же вы? спросила хозяйка, когда притворила за собою дверь.

— Да отъ добрыхъ людей; сперва бы отъ васъ что–нибудь услышать, такъ можно бы потомъ и назвать.

— Ну, да хоть такъ намекните какъ нибудь, а то вѣдь и мы не знаемъ что говорить; хоть изъ какихъ мѣстъ да какихъ примѣтъ, скажите.

Такъ какъ улицамъ не было названья въ Козогорьѣ, то Терентьевна и должна была объяснить по тамошнему, сказавъ, что домикъ свой, угольный, выходитъ на двѣ улицы, а противъ угла колодезь.

— Ну, ну, подхватила хозяйка, чиновный? въ отставкѣ? съ лысиной? Ужъ не въ первой порѣ? случается, что запиваетъ? домишко на боку? и годъ на воротахъ написанъ? — И когда изумленная такою прозорливостію Терентьевна не могла отрицать ни одной изъ этихъ примѣтъ, относя ихъ разумѣется къ своему суженому, между тѣмъ какъ та относила ихъ къ своему, — то хозяйка отвѣчала, по заведенному порядку: подумаемъ, матушка, подумаемъ, — прибавивъ къ этому еще, что этотъ суженый уже стучался въ наши вороты.

Слово: подумаемъ, въ этомъ случаѣ означаетъ согласіе; оно было сказано изъ одного только приличія, хотя, какъ читателю извѣстно, на завтра опредѣлено было уже рукобитье. Терентьевна, обрадовавшись этому, тотчасъ же пустилась на обычныя причитанья въ похвалу жениху, у котораго оказались при этомъ случаѣ: «руки съ подносомъ, ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ.»

— А карманы съ подкладкой? подхватила смѣючись хозяйка, но, будто жалѣя сама объ этой рѣзкой остротѣ, прибавила: ничего, матушка Агафія Терентьевна, такъ говорится, къ слову пришлось; а вы, скажите таки мнѣ по правдѣ, вы отъ него самого то есть?

— Отъ него самого, матушка, и прямо вотъ оттуда пришла; чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли!

— Ну, такъ что же, матушка, — какъ было сказано, такъ пусть и будетъ: милости просимъ на завтрашній вечеръ.... благодарствуемъ на стараньи....

У Терентьевны вскружилась голова отъ радости, что она отбила работу у соперницы своей; она разсыпалась въ похвалахъ и пожеланіяхъ, потребовала посмотрѣть хорошенько на невѣсту, чтобы описать жениху всю красоту ея, тарантила предъ нею четверть часа и пустилась прямо въ притруску, разумѣется опять по задамъ, къ Филиппу Иванычу, гдѣ задняя калитка была заперта: поэтому Терентьевна принуждена была перелѣзть черезъ заборъ.

На другой день въ урочное время женихи мои разъодѣлись по мѣрѣ средствъ и возможности, и отправились по одному и тому же пути. Кондратій Семенычъ вышелъ первый и вскорѣ замѣтилъ, что ненавистный сосѣдъ за нимъ слѣдитъ. Онъ съ негодованіемъ остановился и заглянулъ на дворъ, гдѣ проходилъ, чтобы пропустить того мимо себя. Исполнивъ это очень ловко, онъ опять продолжалъ путь свой, но не могъ надивиться дерзости сосѣда, который теперь шелъ впереди, указывая ему дорогу. Когда они стали уже подходить къ воротамъ суженой, то Кондратій Семенычъ не утерпѣлъ: онъ сталъ браниться довольно громко и пустился огромными шагами въ перегонку за Филиппомъ Иванычемъ и остановилъ его уже въ воротахъ извѣстнаго намъ дома. Объясненіе ихъ началось бранью, съ которою они оба подвигались отъ воротъ къ крыльцу. Между тѣмъ въ догонку за ними подоспѣла Терентьевна, которая удосужилась разузнать, въ какой просакъ она попала, а потому и не посмѣла итти

напередъ жениховъ въ домъ невѣсты, но рѣшилась появиться тамъ въ одно время съ своимъ женихомъ и смѣло вступить въ состязаніе съ Кузминичной. Въ тоже время хозяинъ дома, бѣдный мѣщанинъ, который жилъ, какъ большая часть мѣщанъ нашихъ, неизвѣстно какимъ промысломъ, — вышелъ на крыльцо встрѣчать жениха, а за хозяиномъ выскочила и Кузминична, увидавъ въ окно приходъ незваныхъ и нежданыхъ, а гости также подошли со скромностію къ двери и къ окнамъ.

Какъ только хозяинъ показался на крыльцѣ и, сложивъ чинно руки на животѣ, сталъ раскланиваться въ недоумѣніи съ двумя сужеными, то Кузминична, вскинувшись на Терентьевну, рѣзкимъ и внятнымъ полуголосомъ стала бранить ее и спрашивать, зачѣмъ и по какому праву она пожаловала и къ чему привела съ собою этого безстыднаго пьяницу, т. е. Филиппа Иваныча, тогда какъ тутъ сошлись за добрымъ дѣломъ одни только добрые люди, и притомъ почетные, какъ вотъ Кондратій Семенычъ; Терентьевна не осталась въ

долгу, обругавъ и Кузминичну и суженаго ея, а затѣмъ ухватила своего Филиппа Иваныча за руку и безъ обиняковъ потащила его на крыльцо; Кузминична съ своей стороны поспѣшила поступить точно такимъ же образомъ съ Кондратіемъ Семенычемъ, и какъ обѣ четы столкнулись на крыльцѣ, то незастѣнчивая Терентьевна и нашлась вынужденною поймать Филиппа Иваныча за фалды и стащить его внизъ. Тогда Кузминична въ свою очередь толкнула Кондратія Семеныча въ грудь, и онъ, падая, наткнулся прямо на своего ненавистника, который поспѣшилъ удалить его отъ себя сильнымъ толчкомъ своего колѣна. Съ четверть часа времени крупныя объясненія продолжались, на крыльцѣ, обѣими свахами, а передъ крыльцомъ — женихами. Умирительныя рѣчи и поклоны хозяина, а равно и увѣщанія нѣкоторыхъ, болѣе расторопныхъ гостей, всѣ ушли на вѣтеръ, ихъ никто не слушалъ и даже не слыхалъ. Всякій изъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ былъ занятъ собою и собственною своею бесѣдою. Жители

Козогорья уже начинали сходиться у воротъ и тѣсниться на дворъ невѣсты; свахи, посчитавшись между собою почти въ рукопашную, обѣ наконецъ разбранили хозяина и хозяйку, плюнули на крыльцо проклинаемаго ими дома и ушли со двора. Женихи, оба крайне обиженные такимъ соблазномъ и позоромъ, сдѣлали тоже, и Кондратій Семенычъ повернулъ изъ воротъ налѣво, рѣшившись лучше дать значительный кругъ, лишь бы не итти вмѣстѣ съ врагомъ своимъ. Народъ раздался, разступился, когда молодые приблизись къ воротамъ, нѣкоторые смотрѣли вслѣдъ за ними, другіе опять сомкнули кругъ и разинули рты, глядя на опѣшившаго хозяина и недоумѣвающихъ гостей его; но вскорѣ всѣ разошлись, и въ домѣ затихло.

Съ этого времени два соперника возненавидѣли другъ друга до такой степени, что оба заколотили досками окна, бывшія насупротивъ одни другихъ, въ переулокъ. Шаткія лачужки, съ годомъ сломки на воротахъ и съ ветхими кровлями,

приняли отъ этого еще болѣе унылый и разоренный видъ; а ежедневныя пожеланія о томъ, чтобы одному высохнуть въ квинту, а другому подавиться угломъ — прекратились.